

ОВАННЕС ТУМАНЯН

ПОЭТ И МУЗА

Перевод О. Румер

Однажды я сидел — уныл, угрюм,—
Устав от горестных и тяжких дум
О том, как облегчить свою беду.
«За ссудой вновь к кому-нибудь пойду! —
Решил я наконец, тоской томим. —
А как устроюсь дальше, посмотрим».
— «С парнасской высоты тебе привет!»
Я обернулся. Муза, с давних лет
Знакомая, вошла. «Восстань, певец,
Стряхни с себя унынье наконец!
Гляди: страдает твой родной народ,
И кровь невинных к небу вопиет, —
Бредут несчастные из края в край.
Восстань, поэт, надежды луч подай
Тому, кто духом пал, скитальцам влей
Отвагу в душу и утешь детей.
На юных девушек, поэт, взгляни!
Как розы свежие, цветут они,
Сверкает светом солнечным их взгляд, —
Любвнных песен все они хотят.
Весна пришла и яркий свой ковер
Везде раскинула по склонам гор.
Полны долины рокотом воды,
Щебечут птицы, и цветут сады.
Приди ж и ты в себя и песню спой
Во славу вящую весны молодой».
— «Нет, Муза, нет! Довольно! Пощади!
Давно клокочет ад в моей груди.
Забывать тебя заставлю я сейчас
Про кровь, весну, поэта и Парнас.
Да будет проклят тот несчастный день.
Когда ты надо мной простерла сень!
С тех пор как стал твоим питомцем я,
Убогой, нищей стала жизнь моя».
— «А про святой забыл ты жар,
Что принесла тебе я в дар?»
— «Обманщица, что дал он мне?
Из-за него я как в огне.
Иль ты не знала, в мир какой
Идет питомец юный твой?
Мне б лучше кровь народа пить, —
Я б деньги мог тогда скопить.
Но мироедом бы не слыл,
Хоть им бы в самом деле был.
Раздался б крик:
„Как он велик.
Наш благодетель! Он один —
Собратьям верный армянин“.
Еще попом я мог бы стать,
С крестом на шее провожать
Покойников, — меня б тогда
На место первое всегда

Сажали люди; ими чтим
Я был бы, словно серафим.
Мне б этакую жизнь вести,
И был бы я у всех в чести.
Иль жить напыщенным глупцом.
Которому всё нипочем,
Лишь бы поесть, потом поспать,
Червя навозному под стать
Такая жизнь, но нужды нет —
Меня бы чтили с юных лет,
Хоть боле пуст во много б раз
Был череп мой, чем вот сейчас
Любой карман моих штанов.
Закон юдоли сей таков!
Но — ах! — с рождения под власть
Парнасской нищенки подпасть,
На плач свою
Обречь семью,
Смех вызывать у всей родни,
Влачить, как груз тяжелый, дни, —
О Муза, это ли твой дар?
Нет, это худшая из кар.
И, помню я,
Мои друзья
Твердили мне наперерыв,
Что мой губителен порыв,
Что жизнь проучит, надо мной
Смеясь, качали головой.
Но я, дурак,
Себе был враг,
С утра до вечера читал,
Стихи безмозглые кропал
И, за тобой летя вослед,
Бежал от счастья с юных лет».
— «О счастье ты каком тужишь?
Неблагодарный, вспомни лишь.
Какой в тебе я жар зажег!
Тебе способность я дала
На дивных крыльях грез нестись
От скудной жизни к небу, в высь,
Заботы, муки забывать,
В ад опускаться, в рай взлетать
И песни пламенные петь.
Чего же ты лишен? Ответь!»
— «Вопрос бессовестный! Сейчас
Узнаешь, — слушай мой рассказ.
Был в школу счетоводства я
Когда-то отведен. Друзья
Твердили вокруг,
Что, дескать, друг,

Когда получишь аттестат.
Тебе порядочный оклад
И там и тут —
Везде дадут:
Бухгалтеры в большой цене.
Хозяин, говорили мне,
Не будет на прибавки скуп,
А если не совсем ты глуп,
То попадешь к нему... в зятя.

Но тут к тебе, о Муза, я
Подпал под власть, и вот мой дух
Возненавидел зло гротесков.
В колонках чисел и дробей
Я видеть стал клубки червей
И вот, безумное дитя,
Всё бросил я, к тебе летя:
Так дольше жить, мол, мочи нет.
Ведь я поэт, поэт, поэт!
Но снова благосклонный рок
Мне в люди выбраться помог;
Он сделал писарем меня.
Не знал я праздничного дня,
Но так начальнику был мил,
Что он мне ручку подарил,
И я узнал от писарей,
Как надо обирать людей.
Но ты ко мне пришла и тут,
Вмешалась в мой спокойный труд,
И я — за глупость мне позор! —
Стал затевать за спором спор.
Мол, не годится мужика,
Чья жизнь и так ведь не легка.
Годами мучить и терзать,
Вдовицы скорб с торгов пускать.
Потом — зачем, и не пойму —
По наущенью твоему
В письме я шефа обругал,
И он тотчас меня прогнал.
„Тебя мы кормим и поим,—
Сказал он мне, — а ты, гоним
Своею Музой, нас хулишь?
Таких не надо нам. Уйди ж!“
Но милостив господь, и вот,
Едва успел промчаться год,
Служу в большой конторе я.
„Здесь будет легкой жизнь моя“, —
Мечталось мне, но ты пришла,
Мои все спутала дела,
И я, от места отрешен,
На улицу был выгнан вон.
Пришлось, рукой махнув на честь,
Мне по уши в долги залезть
(А если задолжал поэт,
Он не простой должник, о нет!
О нем пекутся все сердца,
И пересудам нет конца).
Когда увидела родня.
Что мало толку от меня,
Что у меня удачи нет,
Все стали мне давать совет
Пойти в попы и взять приход:
„Там ждут тебя любовь, почет,
Поминки с сочною кутьей,
Достаток полный и покой“.
Но я, тебе на торжество,
Отрекся, глупый, от всего!
Церковной кружкой не прельстись.
Спиною к счастью обратясь,
Я лиру взял,

Поэтом стал
И с песней выступил своей,
Воскликнув вдохновенно: „Эй,
Стоит пред вами музы сын!“
Все рассмеялись как один
И закричали мне в ответ:
„Мы не хотим твой слушать бред.
Безумный юноша, уйди!
Лишь грезы у тебя в груди,
И песнями ты поглощен.
От мира взор твой отвращен.
Мы люди дела и труда,
К чему нам эта ерунда?“
Я крикнул им: „Ах, деньги лишь
И блеск, тупая чернь, ты чтишь.
Тебе поэта не понять,
На нем почует благодать,
Он правду и любовь поет“.
Сказав, бегу в журнал, и вот
С редактором мой разговор:
„Пишу стихи с недавних пор.
Нельзя ли поместить у вас
Вот эти? Их прочту сейчас.
„О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой и днем и в час ночной“
Вы мне хотите в душу заглянуть —
Пора закрыться вам, пора уснуть.
Устал поэт от горя и невзгод,
И вечный сон к себе его влечет.
Усните же и вы! Прошел мой день,
Ночь надо мной свою простерла тень“».

— «Недурно! Гладко! Что же, спора нет,
Вы не бездарны, господин поэт!
Десятисложна каждая из строк...
Но бедность рифмы — вот в чем ваш порок.
Позвольте, я исправлю вам сейчас —
И сразу заблестят стихи у вас.
Поэтов наших правлю я всегда
И тем учу, — а то бы им беда.
„О черные глаза, ваш взор покой
Тревожит мой, как будто бес какой“».
Я, как от беса, ужасом влеком.
Из кабинета бросился бегом
И песни в типографию отнес,
О чем мне скоро пожалеть пришлось.
Едва лишь появился сборник в свет,
Суровый публицист почтенных лет.
Высоко беспристрастие ценя,
Счел нужным едко осмеять меня.
«Стихи такие, — он писал, — ни в грош
Не ставлю я, в них смысла не найдешь.
Всего-то в них лишь рифмы да слова!
Я новый сборник дочитал едва, —
Отменно зелен, видимо, поэт.
Поэтам старым нынче смены нет;
Они с собою унесли свой дар
И тайну песенных чудесных чар.
Всем этим овладело царство тьмы,
И вот живем в немой пустыне мы.

Навек умолкли наши старики,
А молодых читать нам не с руки.
Как ты ни смейся, как их ни брани, —
Писать по-своему хотят они».
— «О, край бездушных и тупых сердец!
Не верь, не верь им, молодой певец,
Я от покойных гениев не раз
На твой похожий слышала рассказ.
Сперва им в чашу льют насмешек яд,
Потом от имени их говорят
И всех заслуг их пожирают плод.
Чем дальше, тем гнусней борьба идет.
Клянусь Авроры сладостным лучом
И полным силы светозарным днем, —
О тех ничтожных говоришь ты мне,
Что тупо спят при молодой луне,
Глядеть не любят на ее восход.
А только в полдня час, разинув рот,
Вперяют в небо заспанный свой взор.
Когда уж вышло солнце из-за гор,
Поклоны бьют
И гимн поют,
Всё тот же гимн, что и в былые дни.
Но разве вечно будут жить они,
Уроды эти старые? Ведь нет!»
— «О Муза, — тут воскликнул я в ответ, —
Ты о каких уродах говоришь?
У нас везде, куда ни поглядишь,
Поэты слезы льют, о том скорбя,
Что получили лиру от тебя.
А я... признаться, виноват я сам:
Ленив я был, бездарен и упрям.
Меня корила вся моя родня,
Но убедить никто не мог меня,
Пока ко мне не обратился раз
Богач-сосед, что умницей у нас
В округе слыл, с вопросом: „Где твоя,
Приятель, служба, знать хотел бы я?“
Тут я воскликнул гордо: „Я поэт!“
А он: „Беда, когда работы нет“.
Я повторил: „Поэт!“ — а он сказал:
„Я понял, ты работу потерял“.
Когда приятель мой, в защиту мне,
Сказал: „Такие тоже впрок стране“.
Расхохотался наш ага, да так,
Что всех — будь то богатый иль

бедняк —

Рассказ о том

Смешил потом.

Но вот вопрос еще яснее стал,

Когда в газете некто написал:

„Пусть делом занимается поэт,

Коль сыт он быть желает и одет.

А если жизнь он отдает стихам,

То нечего о нем и печься нам.

Не просит ведь его народ писать,

Его кормить газете не под статью, —

Пускай же он своим пером живет!

Что говорю, то от души идет.

Кто слишком сыт,
Тот не творит.
Лишь тот поэт,
Кто в рвань одет
И не обут.
Здесь нужен кнут,
А то вперед
Он не пойдёт...»

— «О край кнута! Поэт, расстанься с ним,
Мы к небесам с тобою воспарим,
Где с духами среди блаженных нег
Ты будешь петь и веселиться век.
А хочешь на Олимп, — летим туда.
Нектар там дивный будешь пить всегда!»

— «Да, — я в ответ, —
Сомнения нет.

Мне, Муза, надоела жизнь моя.
Я б улетел в надзвездные края!
Там средь богинь, которым не чета
Небось армянских женщин красота,
Я б век сидел
И сладко пел
Всё вновь и вновь
Свою любовь.

Какое счастье из юдоли слез
Уйти и, на парнасский сев утес,
Оттуда, свесив ноги, созерцать
Тупую чернь! Но, ах, должна ты знать,
Что ведь женат и многодетен я,
Что ж будет делать там моя семья?» —
«Нет, о семье пускай забудет тот.
Кто, бросив землю, на Парнас идет!» —
«Жестокая, за что с моей семьей
Меня ты хочешь разлучить? Постой!
Коль так, не мил мне твой Парнас ничуть,
Тут на земле устроюсь как-нибудь!» —
«Поэт, ты вправе выбрать. Выбирай
Иль землю эту, или горний край.
Но что бы ты ни выбрал, милый мой,
Всегда от сердца искреннего пой.

Как солнце будь!
Верши свой путь
Сквозь толщу туч,
Всегда могуч.
Ты призван жить,
Чтобы светить.

И, верь мне, вдохновенья краткий час
Ценней, чем драгоценнейший алмаз». —
«О искусительница, ты опять
Мне хочешь лестью дух зачаровать?
Свои повадки, лживый демон, брось!
Я понял всё, ты мне ясна насквозь.
Быть простаком довольно мне! Теперь
Стучись к кому-нибудь другому в дверь.
Внуши моей супруге, например,
Что золото не высшая из мер.
Да что я говорю? У нас поэт
Постиг давно, что деньги — жизни цвет.
В години бедствий и горючих слез
Пред нами часто возникал вопрос:

Певца венок
Иль кошелек?
Вопрос решен! Пусть твой простынет след.
О Муза! До тебя мне дела нет.
Свой книжный шкаф я в кассу превращу.
Отныне деньгам лишь рукоплещу.
О кошелек! Захочешь — и пигмей
Вдруг станет выше всех богатырей,
Безмолвные заговорят скоты.
Красой уroda наделяешь ты,
Своим прикосновеньем золотым
Всё мерзкое ты делаешь святым.
Бросаешь деву в руки старику.
Венчаешь голову ростовщику,
Клеймо смываешь с подлого чела
И ставишь памятник исчадью зла.
Ты у судьи ворочаешь язык,
Молитвы в небо ты возносишь вмиг,
В своих руках ты держишь шар земной,
Ты дух наш вечный, наш господь второй.
Довольно клеветал я на тебя!
Теперь, о прошлом горестно скорбя,
За ум я взялся и желаю впредь
Восторженно твои деянья петь».
Тут Муза помрачнела вдруг и — глядь! —
Свои пожитки стала собирать.
«Злой человек,
Прощай навек!
Забывши честь,
Мог предпочесть
Ты пенью лир
Златой кумир».